

УДК 811.161.1'37

Ю. Ю. Яблонская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЛСГ «АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ» В ПОЭЗИИ Ю. ШЕВЧУКА

Розглянуто польову структуру найменувань альтруїстичних емоцій у контексті поезії Ю. Шевчука: систематизовано корпус лексичних одиниць, які формують лексико-семантичну групу «альтруїстичні емоції»; вивчено мовні механізми репрезентації емоцій в поетичних текстах; проаналізовано польову структуру ЛСГ «альтруїстичні емоції» з точки зору ядерної і периферійної зон залежно від частоти вживання.

Ключові слова: альтруїстичні емоції, поезія, лексико-семантичне поле, лексико-семантична група, контекст, ядро, периферія, частота.

Рассмотрена полевая структура наименований альтруистических эмоций в контексте поэзии Ю. Шевчука: систематизирован корпус лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «альтруистические эмоции»; изучены языковые механизмы репрезентации эмоций в поэтических текстах; проанализирована полевая структура ЛСГ «альтруистические эмоции» с точки зрения ядерной и периферийной зон в зависимости от частотности употребления.

Ключевые слова: альтруистические эмоции, поэзия, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, контекст, ядро, периферия, частота.

The article deals with field structure of nomination of the altruistic emotions in the J. Shevchuck's poetry context. To do it we systematize the corps of lexical units, which form semantic group "altruistic emotions", we studied linguistic mechanism of emotional representation in poetry texts. It is also analyses field structure of the altruistic emotions standpoint of the nuclear and peripheral zones according to frequency of usage.

Keywords: altruistic emotions, poetry, semantic group, context, nuclear, periphery, frequency, semantic field.

Особое место в семантических исследованиях последнего времени занимают проблемы эмоциональной семантики, тесно связанные с так называемым эмоциональным аспектом человеческого фактора в языке [10, с. 6]. Этот тезис подтверждается тем, что исследованием эмотивной стороны языковой системы занимались и продолжают заниматься в настоящее время многие лингвисты, в частности М. М. Бахтин, С. Б. Берлизон, В. И. Болотов, Э. А. Вайгла, Н. В. Витт, Л. С. Выготский, Г. М. Кафтанова, А. А. Леонтьев, Н. А. Лукьянова, Э. Л. Носенко, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашевский, В. И. Шаховский и др.

По нашему мнению, эмотивное значение слова относят к наименее понятным и изученным типам значения слова вследствие абстрактности самих психических явлений эмоций и чувств. Но, несмотря на обилие разнообразных исследований в данной области, тема эмоциональной лексики и реализации эмоций в языке и речи пока остается поисковой и вследствие этого располагает к дальнейшей работе в данном направлении.

Этим обуславливается **актуальность** нашего исследования, **целью** которого является изучение полевой структуры лексико-семантической группы наименований альтруистической группы эмоций, входящей в общее семантическое поле «Чувство», в свою очередь репрезентированное в произведениях известного русского рок-поэта Юрия Шевчука.

В связи с заявленной целью исследования нам необходимо решить следующие задачи: 1) обосновать а) наше обращение к языку рок-поэзии; б) избранный

подход к пониманию семантического поля; в) соотношение между понятиями «чувство» и «эмоция»; г) наше видение структуры СП «Чувство»; 2) рассмотрим ЛСГ «альтруистические эмоции» на материале поэзии Ю. Шевчука.

Актуальной проблемой современной филологической науки является исследование поэтического языка. Филологические исследования художественного текста начались еще в начале XX столетия (например, статьи В. Шкловского и ученых формальной школы) и продолжают до сегодня. Большой вклад в разработку вопросов изучения поэтики художественных текстов сделали такие выдающиеся ученые, как Л. Булаховский, В. Виноградов, Г. Винокур, Б. Гаспаров, В. Жирмунский, Я. Мукаржовский, С. Обнорский, Д. Овсяннико-Куликовский, Ю. Лотман, В. Одинцов, А. Потебня, Я. Славинский, Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Успенский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Л. Якубинский и др. В современной филологической науке этой проблемой успешно занимаются А. Аникина, В. Григорьев, Ю. Казарин, Н. Кожевникова, Н. Николина, Л. Новиков, Г. Солганик.

Общеизвестно, что лирика – это особый способ художественного мышления и осмысления жизни. Ее определяют как «выражение сокровенных переживаний и в искусстве, и в повседневной жизни» [11, с. 134]. Глубокий анализ лирического произведения невозможен без проникновения в его языковую ткань, без исследования языковых средств, выражающих чувства и эмоции художника слова.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены повышенным интересом молодежи к рок-культуре, которая стала ведущим направлением в формировании мировоззрения и способом жизни молодежи, «рок-н-ролл для нее – это экзистенциальный прорыв нового поколения» [2, с. 65]. Многие журналисты, занимающиеся современной молодежной культурой, обратили свое внимание и на рок-поэзию, ими были сделаны первые шаги, направленные на изучение текстов рок-песен (например, И. Смирнов, А. Кузнецов), но научных работ (литературоведческих, лингвистических) по исследованию рок-поэзии пока недостаточно. С точки зрения поэтической речи рок-культуру изучали такие современные исследователи, как К. Алабужев, А. Дидуров, О. Каневская, А. Кузнецов, О. Маркелова, Э. Радке, И. Смирнов, А. Сой, Н. Харитонов, Е. Федоров и др.

Характерной чертой русскоязычного рока является особое внимание к Слову. Недаром рок-бард Александр Башлачев в одной из своих песен сказал: «И дар русской речи сберечь!». Именно в этом заключался смысл творчества настоящих рок-исполнителей. По словам же Алексея Дидурова, создателя рок-кабаре «Кардиограмма», настоящую рок-поэзию отличает совершенно неконтролируемый интеллектуальный и эмоциональный «выброс», неповторимость стилистики и интонации, честность и искренность как основные составляющие энергии текста. Юрий Шевчук говорит, что рок – это «боль, беда, правда, любовь и жизнь целого поколения нашей молодежи» [5, с. 5]. Таким образом, рок-поэзия располагает неисчерпаемыми ресурсами средств для выражения различных сторон экстралингвистической реальности, в частности, чувств и эмоций.

Как мы уже заявили, объектом исследования лексики со значением «альтруистические эмоции» для нас служит поэзия Ю. Шевчука. С нашей точки зрения, Ю. Шевчук является корифеем, наиболее ярким представителем русского рока, в творчестве которого как в зеркале отразились социальные сдвиги и потрясения нашего времени [9, с. 11].

Поскольку отмеченная группа лексики изучается как компонент лексико-семантического поля «Чувство», коротко охарактеризуем данное понятие.

Вопросы сущности и особенности лексико-семантического поля (далее – ЛСП) в языке привлекли внимание ученых-лингвистов уже в XIX в., когда укре-

пилось понимание того, что язык является системой и, следовательно, все его отдельные части также связаны между собой, обуславливают друг друга.

Исследованиями ЛСП занимались такие выдающиеся лингвисты, как В. Г. Адмони, Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, А. И. Кузнецова, Б. А. Плотников, М. М. Покровский, З. Д. Попова, А. И. Смирницкий, И. А. Стернин, Ф. П. Филин, Г. М. Шепицына, Д. Н. Шмелев, Л. В. Щерба, Г. С. Щур. Кроме того, неоценимый вклад в разработку вопросов о сущности ЛСП внесли зарубежные лингвисты Г. Остгоф, К. Майер, Г. Шпербер, Й. Трир, Г. Ипсен, В. Порциг, Э. Оскар, О. Духачк.

Проблема сущности и статуса семантического поля относительно других системных объединений остается дискуссионной [7, с. 1]. Тем не менее различные подходы к изучению данной проблемы объединены общим для всех стержнем, позволяющим понять главные особенности этой системы. Самым универсальным определением ЛСП в языке можно считать следующее: ЛСП – «совокупность языковых единиц (главным образом, лексических), объединенных общностью содержания (иногда общностью формальных показателей), и отражающая понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4, с. 99].

Поле, как совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта, состоит из определенных семантических групп (далее – ЛСГ), которые представляют «большую группу слов одной части речи, объединенных одним словом-идентификатором, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [8, с. 98]. ЛСП соотносится с ЛСГ как общее с частным, включая в себя целый ряд ЛСГ. СП отличается от ЛСГ также количественным преимуществом лексических единиц, которые относятся к разным частям речи [1, с. 5]. ЛСП имеет ядро и периферию. В ядре содержатся наиболее значимые, важные слова. Периферия обширна, в ней находятся лексемы из других ЛСГ, которые лишь по отдельным семам включаются в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистемы в единую систему [8, с. 92].

В нашем видении лексико-семантическое поле, объединяющее совокупность лексических и лексико-фразеологических единиц, связанных общей темой, представляет собой ядерно-полевое образование, в котором, в свою очередь, выделяются фрагменты, или парцеллы, представленные лексико-семантическими группами слов.

Для определения структуры ЛСП «Чувство» необходимо обсудить соотношение понятий «чувство» и «эмоция». Следует отметить, что психология скрупулезно подходит к определению взаимоотношений чувств и эмоций, онтогенетически выводит чувства из эмоций. Эмоции могут возникать при отсутствии чувств, но противоположная ситуация невозможна [3, с. 134], так как чувства возникают на основе эмоций. Вопросы, касающиеся физиологических особенностей разграничения чувств и эмоций – прерогатива как раз психологии. В речи (в том числе и художественной) эти понятия часто сливаются. Мы привычно, как синонимы, употребляем слова «эмоции радости», «радостные эмоции», «чувство радости», не разделяя, что из этого является эмоцией, а что – чувством [3, с. 133]. В подтверждение сказанному следует отметить, что толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет эмоцию как душевное переживание, чувство [6, с. 910], не разграничивая понятия «чувство» и «эмоция».

Обозначения эмоций говорящего человека распределяются между различными группами лексики языка. Их типология такова: лексика, называющая, обо-

значающая эмоции (т. е. дающая им имя), лексика, описывающая эмоции, и лексика, выражающая эмоции [10, с. 91]. Первый тип слов называется также индикаторным, или ассоциативно-эмотивным, так как слова, относящиеся к этому типу, в отличие от аффективов и коннотативов, не выражают эмоций, а ассоциативно отсылают сознание говорящих к сфере эмоций. В данном исследовании нас интересует именно класс ассоциативно-эмотивных слов, в которых денотативным содержанием являются объективные свойства эмоций.

Для нашего исследования в силу своей относительной универсальности актуальной является классификация эмоций по субъективной ценности Б. И. Додонова. Названная классификация делит все эмоции на следующие разновидности: альтруистические, коммуникативные, глорические, практические, мобилизационные, романтические, гностические, эстетические, пугнические, акизитивные, гедонические [3, с. 123].

По нашему мнению, ЛСП «Чувство», существующее в русском языке, наилучшим образом можно структурировать, соотнеся его с классификацией эмоций по Б. И. Додонову. При этом подходе каждая группа эмоций будет репрезентирована отдельной ЛСГ в составе поля.

Для нашего исследования также актуален тезис В. И. Шаховского: «Во всем инвентаре эмоций четко прослеживаются ядерные и периферийные эмоции: те, которые наиболее часто испытывает человек и те, в которых потребность человека относительно невелика. При речевой коммуникации четко прослеживается это деление эмоций. Поэтому для лингвистического анализа речевых моделей вполне достаточно ограничиться наиболее частотными, так называемыми фундаментальными эмоциями» [10, с. 90].

Как показывают наши наблюдения, в поэтической речи Ю. Шевчука наиболее часто находят выражение так называемые альтруистические эмоции, являющиеся самыми актуальными для человека вообще. К альтруистическим эмоциям относят переживания, возникающие на основе нужды в помощи другим людям: желание приносить людям счастье и радость, волнение за чью-либо судьбу, сопереживание, сочувствие [3, с. 123]. Сюда же мы отнесли тревогу за другого человека, отзывчивость, жалость, любовь, доброту, чувство справедливости и их антиподы, астенические варианты: равнодушие, жестокость, безжалостность, ненависть, злость. В речи эти эмоции выражаются такими ассоциативно-эмоциональными словами как *жалость, безжалостность, равнодушие, любовь, ненависть, добро, доброта, злость, жестокость*, различными формами этих слов, их производящими и производными от их основ.

Поскольку в рамках одной статьи невозможно репрезентовать весь массив обозначений альтруистических эмоций, представленных в стихах Ю. Шевчука, приведем наиболее показательные с нашей точки зрения примеры употребления ассоциативно-эмоциональных слов с указанным значением.

Лексема ЖАЛОСТЬ традиционно определяется как сострадание, соболезнование [6, с. 189], однако в поэзии Ю. Шевчука она наполняется другими смыслами. Очень часто *жалость* выступает синонимом к слову *любовь*: *Смотрю на женщину, которая со мной // Вчера пришла и до утра осталась. // В ее глазах ко мне любовь и жалость. // А у меня душа – хоть в мир иной* [Понедельник, с. 26*]. В контексте *Вечер щенком глупым скулил, жалким, бездомным псом* [Вечер**] актуализируется ассоциативная связь «жалость – неприютность». Жалость может персонифицироваться, вести себя как активно действующий субъект: *Пыталась жалость убедить, помочь опомниться, // но все быстрее и точней летела конница* [Правда на правду, с. 95]. Здесь на первый план выходит контекстуально обусловленное значение слова *жалость* – «совесть, здравый смысл».

Таким образом, в текстах Шевчука происходит наращение семантической структуры лексемы *жалость* за счет положительных семантических единиц «любовь», «сила», «совесть», «здравый смысл» и отрицательных «бесприютность», «несправедливость», «бедность».

Лексема БЕЗЖАЛОСТНОСТЬ (антоним *жалости*) встречается в текстах рок-поэта очень редко: *Я поднимался выше облаков, // Я убивал безжалостно злодеев* [За пятьдесят копеек, с. 14]. За счет употребления в этом контексте словосочетания *убить злодея* лексема *безжалостно* получает дополнительные, в противовес основному значению, положительные элементы значения: ‘герой’, ‘бесстрашный’.

Нужно отметить, что главным чувством, которое выражается в произведениях Юрия Шевчука, которым они проникнуты, является ЛЮБОВЬ (у поэта – чаще всего имеет значение гуманного отношения к кому- или чему-либо). Поэтому наиболее частотным в поэтическом словаре становится слово *любовь* и его производные: *любить, любимый*. Поэт пишет о разных видах любви: любви к родине, к женщине, к другу, к матери, к сыну, к музыке и т. д. *Прекрасная любовь, там ждут тебя живые. // Позволь себя увидеть тем, кого ведут на смерть. // Там по уши в грязи, но все же не слепые. // Дай разум и свободу, дай чувствам не истлеть* [Прекрасная любовь**]; *Пишу прошение к Любви – // Совет дай, выжить помоги* [Гляди пешком**]; *И что мы можем, можем быть, // Еще, конечно же, любить* [Наполним небо добротой**]; *Каменеющий мир, окольцованный быт, // Быть может, только любовь сможет всем нам помочь остаться людьми* [Дом, с. 38]. В этих стихах Любовь представляется чем-то глобальным, необъятной положительной, гуманной и созидательной силой. *Не так уж плохо все, малыши, // Когда ты рядом мирно спишь, // Любимым снам счастливо улыбаясь* [Привет М**]. Общая эмоциональная и смысловая нагрузка этой фразы позволяет соотносить значение слова *любимый* со значением слов «светлый, спокойный». Способностью любить обладает не только человек, но и персонифицированное время, за образом которого скрывается человек: *Наше время скорбит в телефонах доверия, // Любит в отделах знакомств* [Время, с. 45]. В этом контексте «любить» обозначает потребность человека в том, кто смог его понять, в партнере для совместной жизни. Подчеркивается также божественная природа любви: *Я часто не верю, что на небесах // Нашей любовью архангелы правят* [Фома, с. 73]; *Сталь ненавидит дерево, // Дерево ненавидит землю, // Земля ненавидит воду, // Вода ненавидит небо, // А небо любит всех нас* [Мне снилось, с. 163]; *Ради любви к вам пошёл я на муки, // Вы же святыни свои растеряли!* [Террорист, с. 51]. В последних стихах сближаются понятия «любовь» и «святыня», образуя контекстуальную синонимию. В традиционную семантику слова *любовь* рок-поэт часто вносит сему ‘бескорыстный’: *Я всем шлюхам раздал по любви, а убийцам – по розе* [Я остановил время**]; *Эй там! Кто еще любит, // Кто еще не успел все до конца посчитать!* [Я у вас**]. Здесь наблюдается контекстуальная антонимия «любить – посчитать»; *Сколько лет я жую вместо хлеба сырую любовь* [Родина, с. 71]. Любовь, по мнению Шевчука, единственное, что остается, когда потеряно все: *Остались дожди и замерзшее лето. // Осталась любовь, и ожившие камни* [Последняя осень**]. *И если даже я на дне, любовь, подумай обо мне* [Любовь, подумай обо мне, с. 158].

Благодаря употреблению сравнительных, метафорических, контекстуально-антонимических конструкций, номинативное значение «любовь» трансформируется в разнообразные номинативно-производные, традиционно-символические и индивидуально-авторские смыслы, доминирующими из которых являются «жизнь», «чистота», «свет», «способность видеть», «чистый разум», «свобода»,

«способность чувствовать», «сердце», «партнер», «Бог», «гуманность», «человек», «стихия», «родное», «бескорыстный», «легкость бытия», «всепобеждающий», «бессмертная». Реже встречаем придание значению негативных оттенков: *На любви только драные брюки да жестокий голодный взгляд* [Мама, это рок-н-ролл, с. 145]; *Оттаяло все: и любовь, и месь* [Беда, с. 83]. В последнем примере однородные члены предложения сближаются и семантически, что обусловлено экстралингвистическими факторами и идейной нагрузкой стихотворения.

Лексема НЕНАВИСТЬ, не будучи частой, в стихах Шевчука, как правило, встречается в одном контексте с лексемой ЛЮБОВЬ в качестве антонима: *Сталь ненавидит дерево, // Дерево ненавидит землю, // Земля ненавидит воду, // Вода ненавидит небо, // А небо любит всех нас* [Мне снилось, с. 163].

БЕЗРАЗЛИЧИЕ традиционно определяется как равнодушие, безучастное отношение к чему-либо [6, с.42], поэтому мы считаем возможным рассматривать вместе лексемы БЕЗРАЗЛИЧИЕ и РАВНОДУШИЕ. *Равнодушие лечит тех // Чья душа не болит* [Новые блокадники**]. С помощью олицетворения в данном примере выстроен алогизм «лечит того, кто не болен»; *Не виню равнодушных, сам грешен, // Слишком много на каждом проклятья* [Изгой, с.127]. Значение лексемы «равнодушие» отягощается выстроенным рядом слов «равнодушие – грех – проклятья».

Лексема ДОБРО в контексте данного исследования нас интересует в первом своем значении: нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное ЗЛУ [6, с. 169]. Лексемы *добро, доброта* и *зло, злость* довольно часты в поэтике Шевчука. Встречаясь в пределах одной синтагмы, они образуют антитезу: *Я злой как дьявол, и добрей // Я стану вряд ли как все мы* [Гляди пешком**]; *И разменяв добро на зло, как деньги старые на новые* [Правда на правду, с. 95]; *Оставляю зло и добро друзьям. Воййте, это вам, прощайте, это вам* [В час, когда усну**].

Острая социальная реакция на окружающую действительность иногда заставляет поэта воспринимать добро как явление, не способное противостоять злу: *И зло на залином коне взмахнуло шашкою. // Добро, оно всегда без кулаков, трясло культяшками* [Правда на правду, с. 95]. Основное значение слова здесь посредством метафоры осложняется семами ‘бессильное’, ‘калека’, ‘ничтожное’, Зло же, наоборот, представляется активным, воинствующим субъектом. Персонифицируя зло, поэт наделяет его способностью быть голодным, находиться в постоянном поиске пищи для себя: *Полная луна, белая кожа, Зубы стучат, // злу хочется есть* [Полная луна**].

Лексема *добро* вводится поэтом в текст с помощью разнообразных художественных приемов: *Наши души не в силах сидеть на диете, // Мы кормим их до тошноты, // И верим, что в каждом живом человеке // Наберем на стакан доброты* [Время, с. 45] – главный прием в создании образности этих стихов – метафора – *стакан доброты*; *Эй, домовые многоглазых зданий, // Как вас немного, добрые, осталось* [Стих**]. *Добрый* в этом контексте соотносится, исходя из общей нагрузки фразы, со значением «родной». Христианская направленность поэзии Шевчука подчеркивает божественную сущность добра: *Вперед, Христос, мы за тобой // Наполним небо добротой* [Наполним небо добротой**]; современным земным людям, наоборот, добро не свойственно: *Здесь от павших нет худа, от живых добра* [Интервью, с. 120]. *Революция, ты научила нас // Верить в несправедливость добра* [Революция, с. 88]. В последнем примере несвойственное для слова *добро* определение *несправедливое* продиктовано экстралингвистическими факторами: поэт оценивает революцию как нечто абсурдное, несвойственное человеку.

Лексема ЖЕСТОКОСТЬ довольно редко встречается в стихах Шевчука и выражения ее не сопровождаются яркой образностью.

Кроме слов, которые называют эмоции прямо, т. е. ассоциативно-эмотивных слов, рок-поэзия всегда оперировала огромным массивом лексем, выражающих чувства опосредованно. В своих основных значениях такие лексемы принадлежат другим ЛСП и характеризуются наличием семы, соотносящей их с ЛСП «Чувство». Приведем примеры тех лексем, элементы значения которых опосредованно, варьируясь и преобразовываясь под влиянием контекста, входят в структуру ЛСП «альтруистические эмоции». Обширную группу таких лексем можно охарактеризовать общим названием «религиозные понятия и ритуалы»: «Бог», «ангел», «душа», «сердце», «святой», «голубь мира», «молитва», «свеча», «память», «отпевание», «невеста», «поминки», «цветы», «объятья»: *Наш Бог всегда всех нас поймет, // Грехи отпустит, боль возьмет* [Наполним небо добротой**]; *Всех святых распяли черти, Бог – он видно – выходной* [Небо на земле**]; *Что Бог подарил эту жизнь совершенно бесплатно* [Герой**]; *Что принёс благие вести белый ангел на крыле // Все мы, на перине – вместе строим небо на земле* [Небо на земле**]; *Дождь очистил все, и душа, захлопав, вдруг размокла у меня* [Дождь, с. 17]; *Заболел я душой, что вернулась ко мне* [Белая ночь с. 98]; *Чтоб душа, вздремнув немного, // Снова к дому собиралась...* [Я зажег в церквях все свечи, с. 86]; *Понимающее сердце носит хлеб в худых карманах // По заснеженному полю ищет пепел дорогого* [Понимающее сердце**]; *Не трагичен мир – печален я, // А сердце мое, а сердце мое!* [Пластун, с. 69]; *Посмотри как носится смешная и святая детвора* [Дождь, с. 17]; *Генерал Пацифистов ковыряет на мундире помёт, Не боится герой, что голубь мира его не поймёт* [Депутат Проккопенко**]; *Ты как обычно стоишь в углу, и молишься за меня* [Черно-белые танцы, с.118]; *С нами память сидит у стола, А в руке ее пламя свечи* [Это все**]; *И не нужен мне серый гранит // Твоя память ведь все сохранит // Эта память как пламя свечи в ночи* [Ночь**]; *Облаками окутавши плечи, // Мать-гроза отпевала его* [Бродяга, с. 125]; *Была я невеста, прекрасная дама. Душа моя рядом стояла и пела, Но люди, не веря, смотрели на тело* [Вороны, с. 85]; *Давай же помянем мы счастливых парней // Ушедших вперед, растворившись в пурге* [Безжизненный край**]; *И забыв твое имя, приносят цветы, // Туда, где ты всех победил, стал абсолютно счастливым* [Герой**]; *Обними же нас, бабуля Вера, // Протяни свои руки седые,* [Российское танго с.93]; *И упав между нами. Так недолго любимых // Разбил он объятья, как простое стекло* [Ветер, с. 100]. Из семантики лексемы объятья в данных примерах актуализируются семы 'ласка', 'любовь', соотнося значение всей лексемы с альтруистическими эмоциями. Особняком стоит лексема человек, обозначающая в словосочетании «сделать человеком» высокоморальное, гуманное существо: *Разливают страну, кто ж закуска братцы? // Как их сделать людьми? Дайте им на водку* [Интервью, с. 120].

Альтруистические семы присущи также лексемам с этической семантикой совесть, вина, надежда, чувства: *И когда кто-нибудь вспоминал о войне, // Он топил свою совесть в тяжелом вине* [Не стреляй!, с. 18]; *Что б кроме совести моей со мной никто // Не смог бы справиться достаточно легко* [Компромисс**]; *Если кому-то доставив страданье, // Ты за собой не признаешь вины, ...То все хорошо!* (ирон.) [Все хорошо, с. 21]; *Что вернет нам надежда? // Что спасет красота?* [Рожденный в СССР**]; *Дай разуму свободы, дай чувствам не истлеть* [Прекрасная любовь**].

Иногда для передачи альтруистических эмоций автор использует слова тепло, нежность: *Где ты, я под простой, да не скошенной крышей // Ищем друг в друге тепло* [Ветер, с.100]; *И в твоём стеклянно нежном взгляде // Не могу най-*

ти былой покой. [Сижу на жестком табурете**]; В тысячах спален каждое утро, // **Нежно** соя, расплетаются пальцы [Дом, с. 38].

Безусловно, особое место среди слов с альтруистическими оттенками занимает лексема **друг**: *Не так уж страшно умирать, // Когда вокруг **друзья** и мать [Привет М**]; И живы мы, пока **друзья** // Стоят всегда за нас стеной [Наполним небо добротой**].*

Астенический вариант альтруистических эмоций выражается в лексемах *враг, война, стрелять* и др.: *На кладбище старом // Где воскресали **враги** // Я кое-что понял, // Встав с левой ноги [Рожденный в СССР**]; Не **стреляй** в воробьев, не **стреляй** в голубей, // Не **стреляй** просто так из рогатки своей [Не стреляй!, с. 18]; В тебя целятся, но не хотят **стрелять** // Мы стоим столько, сколько можем отдать [Герой**]; Все идет своим чередом – **войны** на свалку, нам хочется **мира**. [Все идет своим чередом**]; Трон лжи не устоял, бежал в испуге **ворог** [Прекрасная любовь**].*

Таким образом, выстраивая полевою структуру наименований альтруистических эмоций с точки зрения частоты их употребления в речи, необходимо в ядро поля поместить те ассоциативно-эмоциональные слова данной группы, которые употребляются чаще остальных, к околоядерной зоне будут относиться слова со значением «альтруистические эмоции», употребляемые реже, на периферии будут находиться слова с эмоциональными семами, относящиеся к другим ЛСП.

Проведенный нами анализ позволяет к **ядру** поля «альтруистические эмоции» отнести лексемы *любовь* и *доброта*, так как именно данные лексемы чаще остальных встречаются в поэзии Ю. Шевчука. Кроме того, их употребление практически всегда сопровождается яркой образностью. В **околоядерную зону** входят лексемы *жалость, злость, ненависть, безразличие, равнодушие, безжалостность, жестокость* в связи с тем, что их употребление в текстах песен не так часто. **Периферию** исследуемого поля, по нашему мнению, образуют лексемы *Бог, ангел, душа, сердце, святой, голубь мира, молитва, свеча, память, отвеивание, невеста, поминки, цветы, объятья, совесть* и некоторые др.

Подводя итоги, следует отметить, что такая расстановка лексем внутри ЛСП «альтруистические эмоции» обусловлена экстралингвистическими факторами: общей идейной направленностью рок-поэзии, и поэзии Шевчука в частности. Обобщив все темы и проблемы, к которым обращается поэт, можно выделить основную идею его творчества – идею движения от реального мира к идеальному со всеми вытекающими последствиями: ложными ходами, тупиками, замедлениями, прорывами и т. д. Философско-христианская позиция Юрия Шевчука отразилась в доминирующих чертах его поэтики, которую можно характеризовать как поэтику предельности, движения и поиска. Именно христианские взгляды поэта, по нашему мнению, обуславливают наивысшую частоту употребления лексем *любовь* и *доброта* в текстах его песен. С помощью метафор, сравнений, гипербол, антитез поэт очень эффективно вводит в художественную речь слова со значениями эмоций. Также необходимо отметить, что русская рок-поэзия, и поэзия Ю. Шевчука в частности, является благодатной почвой для дальнейших лингвистических исследований эмоциональной лексики вследствие обилия нестандартных приемов выражения чувств и высокой художественности текстов.

Библиографические ссылки

1. **Беспалова Ю. В.** Лінгвостилістичний потенціал лексики мовленнєвої дії у художньому тексті (на матеріалі творів О. І. Купріна та В. В. Вересаєва) : авторефер. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Ю. В. Беспалова. – Дніпропетровськ, 2002. – 19 с.

2. **Вальран В. Н.** Ленинградский андеграунд : живопись, фотография, рок-музыка / В. Н. Вальран. – СПб. : Изд-во имени Н. И. Новикова, 2003. – 79 с.
3. **Кириленко Т. С.** Психология : емоційна сфера особистості : навч. посібник. / Т. С. Кириленко. – К. : Либідь, 2007. – 256 с.
4. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал, 2000. – 350 с.
5. **Кузнецов А.** На второй мировой поэзии... // Золотое десятилетие рок-поэзии: Поэзия / сост. Дидуров А. – М. : Молодая гвардия, 1992. – С. 3–9.
6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
7. **Половинко О. О.** Лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори наповнення семантичних полів у сучасній російській літературній мові : авторефер. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Російська мова» / О. О. Половинко. – Дніпропетровськ, 2006. – 25 с.
8. **Попова З. Д.** Лексическая система языка : Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
9. **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
10. **Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
11. **Энциклопедический словарь юного литературоведа** / сост. В. И. Новиков. – М. : Педагогика, 1988. – 416 с.

Источники поэтических текстов

- * – **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
- ** – Данная цитата стихотворения Ю. Шевчука – результат авторской расшифровки аудиоальбома группы ДДТ и Ю. Шевчука.

Надійшла до редколегії 10.02.11

УДК 821.111'253

V. V. Yashkina

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

EMILY DICKINSON'S POETRY TRANSLATIONS IN COMPARISON

Досліджено деякі особливості перекладів поетичних творів відомої англомовної поетеси Емілі Дікінсон, вивчено можливі шляхи досягнення перекладацької адекватності.

Ключові слова: переклад, перекладацька адекватність, еквівалентність перекладу, літературний переклад.

Изучены некоторые особенности переводов стихотворений известной англоязычной поэтессы Эмили Дикинсон, рассмотрены потенциальные способы достижения адекватности при переводе.

Ключевые слова: перевод, переводческая адекватность, эквивалентность перевода, литературный перевод.

Definite peculiarities of Emily Dickinson's poetry translations are studied; possible ways of achieving adequacy are discussed.

Keywords: translation, adequacy, equivalence, literary translation.